

С-421/КТ

225323.



СКАЗКИ КРЫМСКИХ ТАТАР

в передаче
М. Г. КУСТОВОЙ

КРЫМГОСИЗДАТ
1941

Цена 4 руб.

Крымгосиздат. Симферополь, ул. Горького, 5

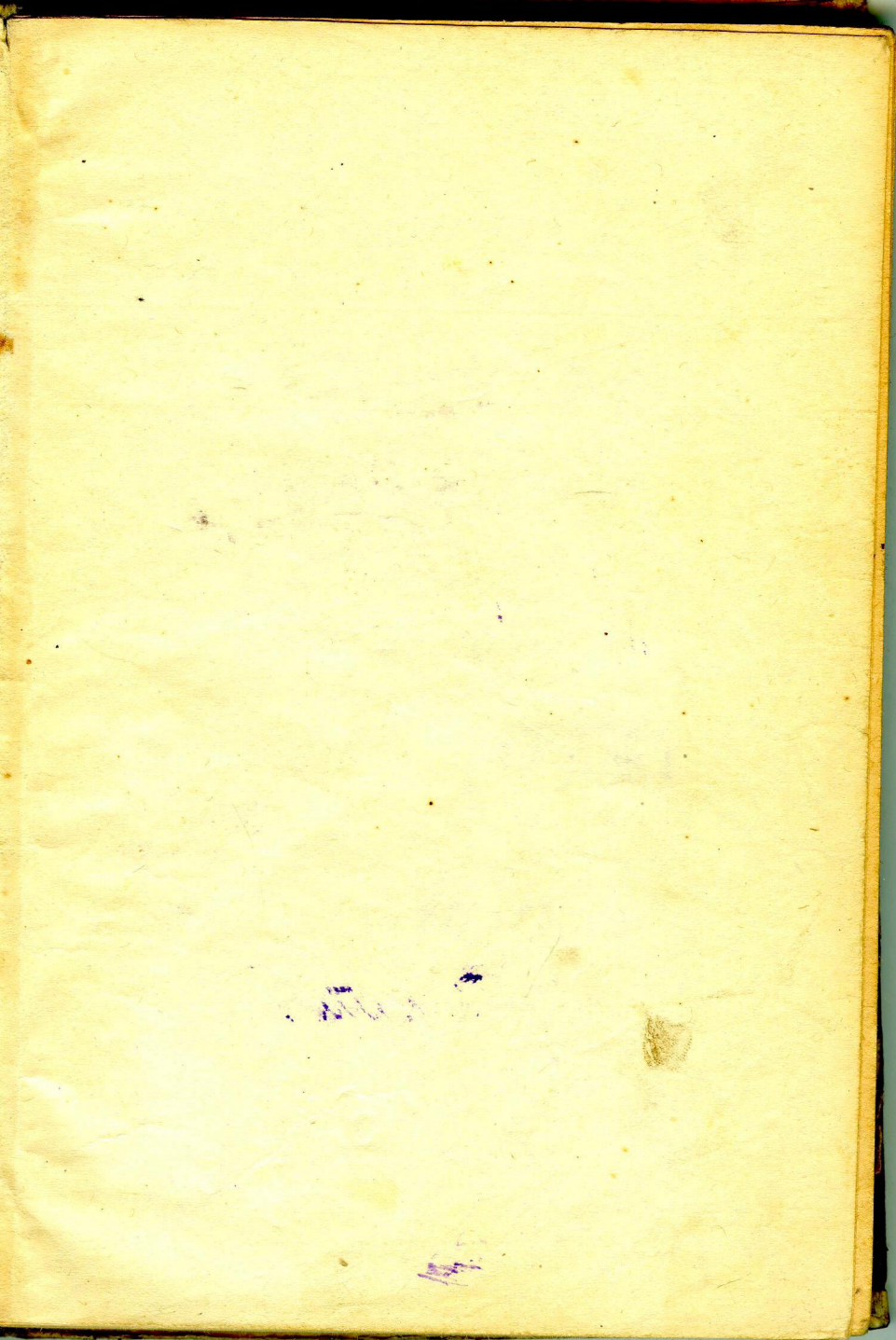
V.N. Karazin Kharkiv National University



00758302

1

8H (CH)T main.



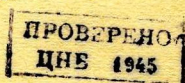
с 421к

СКАЗКИ

КРЫМСКИХ ТАТАР

В ПЕРЕДАЧЕ

М. Г. КУСТОВОЙ



225323

КРЫМГОСИЗДАТ
1941

58



Сборник подготовил и редактировал *Р. Вуль*,
Тех. редактор *А. Бондаренко*.
Художник *А. Варфоломеев*.
Корректор *В. Терабилло*,

М. Кустова

О сказках крымских татар, о рассказчиках и рассказчицах

Работа в бахчисарайском доме туристов в качестве экскурсовода-методиста, совершенно естественно, заставила меня уделить много внимания краеведению, и вполне понятно, что при ознакомлении с промышленностью, сельским хозяйством, географией и этнографией полуострова и отдельных районов меня должен был заинтересовать и действительно глубоко заинтересовал—живой человек этих мест.

Не имея на то особых заданий я, так сказать, для себя, для души стала собирать различного рода сказки, поговорки, прибаутки. Меня всегда поражала в татарском языке удивительная легкость, большая звучность, а в татарском эпосе, в народном фольклоре—кружевная, если можно так выразиться, передача отдельных волнующих событий. Даже далеким историческим событиям рассказчики придавали такой тон, такую наполненность, что перед слушателями вставали живые образы и явления.

Нельзя до конца раскрыть тяжелую жизнь татарского народа в прошлом, нельзя в полной мере показать то прекрасное настоящее, которым он живет сейчас, не обратившись к творчеству самого народа.

А. М. Горький говорил: „Для того чтобы понять прекрасное, надо знать, кто сделал это прекрасное“.

Я бываю очень часто и много в татарских деревнях и знаю, что татары-крестьяне в песнях и сказах передают свои переживания, чувства, мысли, думы с самыми тончайшими оттенками.

Мне почти всегда приходилось работать в национальных районах. Я работала в Бахчисарае, в Коккозах (это исключительно богатое сказками место, там сказки просто на земле лежат), работала в Кучук-Узени, в Кореизе, в Алуште. Эти районы населены преимущественно татарами. Я немного знаю татарский язык и прислушиваюсь к разгово-

рам. Я собирала сказки не как писатель и не как научный работник. Никто не помогал мне разобраться во всех тонкостях фольклорного материала. Никким образом я не претендую на научность моей работы; не мозгом, не умом постигала я сказки и легенды, а тем, что принято называть душою, нутром.

Слушая сказки на одном языке, я передаю их на другом—на русском. Мне легче передавать сказки на русском языке. Кроме того, к этому меня толкала необходимость рассказывать их туристам, чтобы они поняли творчество народа, с которым знакомятся. Естественно, что в переводе литературное произведение, если и не теряет ценности, то во всяком случае в известной мере теряет свой аромат.

Я, конечно, передаю сказки не буквально; иногда для более точной передачи мысли заменяю некоторые слова и выражения. Никакой другой обработке сказки не подвергаются, кроме обогащения их русским языком, на котором они рассказываются мною. Когда к сказкам начинают добавлять, получается чепуха. С другой стороны, когда одну сказку я попробовала перевести слово в слово, получилось очень плохо, совсем не поэтично и далеко от того, что я слышала.

Сказками богат весь Крым. В одном районе их больше, в другом—меньше, но есть они абсолютно везде. В Коккозах сказки ближе к быту, к земле. Там я слышала татарскую детскую сказку, которая носит забавное название „Акчачик“ („Денежка“). В Бахчисарайском районе сказки (по моему мнению) более поэтические, лирические. Сказок здесь очень много, но, как и все сказочное, их надо уметь найти.

Когда человек приходит с блокнотом и „вечным пером“, то, конечно, душу рассказчика он не скоро раскроет и сказку навряд ли ему расскажут. А я, как говорят, свой человек, пока дело до сказки дойдет, чего-чего только не наслушаюсь. Мне приходится и поговорить о детях, и дать совет по хозяйству, и разное другое. Когда же у моей собеседницы терпение иссякнет, она говорит:

— Какое же у тебя дело ко мне?

На мой ответ, что, мол, зашла без особого дела, собеседница обязательно скажет одно маленькое междометие: „Эй!“. И ты видишь, что она не верит тебе, но все-таки сказку расскажет.

В южнобережных районах можно найти много интересных сказок о землетрясении. Этот факт не мог не отразиться в народном творчестве. Во время землетрясения я была в Кореизе. Приходит ко мне сосед—колхозник. Он был преисполнен ко мне доверия: так как я иногда употребляла иностранные слова и он видел меня во главе экс-

курсии, он полагал, что во мне сосредоточено очень много научных знаний. Колхозник этот отозвал меня в сторону и говорит:

— Слушай, как же так? Советская власть делает такие сложные машины, все, что хочешь, делает, неужели нет времени посидеть и выдумать такую машину, чтобы посмотреть в землю, отчего она трясется?

А другой колхозник говорит:

— Знаешь, почему земля трясется? Потому что там нарыв есть. Когда у тебя нарыв есть, ты весь трясешься, а когда дрянь выйдет, станет легче. Так и у земли...

Каждая сказка имеет в себе какую-то большую мысль, над которой думает не один человек, а тысячи. Безусловно, если в этом районе поискать, то наверняка найдешь сказ на тему о землетрясении. Подтверждением этому может служить и другой разговор, очень метко рисующий, как создаются сказки, как появляется народный фольклор.

Однажды в Бахчисарае, в начале января, когда стояли ясные, теплые дни и не было никаких признаков, что будет холодно и сыро, я сказала своим собеседникам—группе татар:

— Смотрите, какая мягкая погода, наверное январь и февраль будут хорошими, теплыми.

— Ничего подобного,—ответил один из них,—когда ленинские дни придут, все равно земля заплачет и замерзнет.

Очень много сказок можно услышать на поле в часы досуга. Зашел однажды разговор о том, какие ужасно плохие существа змеи, какие они противные, коварные, жуткие. Собеседники говорили о змеях, безразлично морщась. А один старик-татарин говорит:

— Напрасно вы их ругаете, змеи не так уж плохи. Смотрите-ка!

И старик рассказал сказку, какими были раньше некоторые люди, сравнил их со змеями и сделал вывод: были эти люди хуже, чем змеи.

Одна удивительная лирическая сказка о птице Гюма встречается в очень многих вариантах. Один из них был мне рассказан в железнодорожном вагоне, в день, когда происходило солнечное затмение. Ученые объясняют причины затмения сложно, по-научному. А старушка—моя собеседница—объяснила все удивительно просто: все, мол, произошло от птицы Гюма. Сказка лирическая, рассказчица говорила очень образно, даже пыталась голосом передать, как ветер воет.

В Керчи мне удалось услышать сказочное определение того, что такое железо. В другом месте, буквально на ходу, у подводчика, я услышала из чего сделаны кремлевские звезды. Он рассказывал очень авторитетно, как человек, твердо убежденный в своих словах.

Эти оба рассказа у меня соединялись в одну сказку—о крови и железе. На мысль соединить их меня натолкнула фраза в сказке о железе, где говорилось: „А кроме железа многое в земле есть“...

Сказки чаще всего приходится слышать от мужчин. Мягкие, лирические сказки, как „Зюлейха“, „О птице Гюма“, „Акчачик“ я слышала от женщин.

На Перекопе мне удалось услышать сказ огромной волнующей силы.

В свое время по заданию туристской организации я побывала на Перекопе. Попала туда осенью. Погода была такая печальная, ни дождик, ни снег. На Перекопе всегда ветры очень большие. Голая степь и ветер. Ветер там как-то по-особому плачет. И не понимаешь, то ли жалуется он, то ли ругается. Как-то по-особенному выразителен ветер на Перекопе. Нигде так не ощущаешь ветра не только телом, но и разумом, как там.

Прodelала я свою работу. Вечером в сельсовете мне указали маленький домик, где можно было переночевать у какой-то вдовы Мумне.

Домики на Перекопе делают из земли. Все там земляное: и полы, и стены, и крыши; на крышах очень трогательно растут былинки. Осенью печально выглядят там остатки цветков, веточек, от них грустно так и веет...

Старушка меня встретила приветливо. Она была маленькая, подстать своему домику, немного сгорбленная, аккуратная, удивительно юркая; тонкие, тонкие две белые косички выглядывали из-под платочка,—так татарки обычно заплетают свои волосы.

В дом к пожилой татарке нельзя притти и сразу сесть, располагаться. Это неприлично. Люди, которые жили в татарской деревне, знают, что нужно предварительно выдержать некий ритуал: приветствовать друг друга, расспросить, как живется, как дети живут. Я у нее спрашиваю, она у меня. Длинный разговор обычно бывает, прежде чем подойдешь к сути дела. Только после этого ты принимаешься в доме, как свой.

Ритуал этот и весь прием чрезвычайно человечны: у тебя, у человека постороннего, спрашивают, как здоровье твое, как здоровье детей, все ли благополучно у тебя, вообще как твои дела. Есть еще одно приветствие: по плечу друг друга похлопать. Этим тоже выражается доверие к пришедшему.

Побеседовав, освоившись, я вытащила кофе—свой подарок хозяйке. Отправляясь в район, я его беру обязательно. Я беру всегда с собой также медную мельничку с длинной ручкой, удивительно приятную для беседы. Старушка Мумне была приятно поражена Принесенный

кофе и все остальное ее очень расположило, и под медленное воркование мельнички, в которой мололись зерна, начался у нас тихий разговор.

Печи в комнате не было. В отличие от южных районов, где топят дровами, на Перекопе топят кизяком: из навоза делают кирпичи-лепешки. Очень вкусно пахнет их дымок, сразу степь вспомнишь, и если жил в деревне, нахлынут на тебя с запахом этого дымка воспоминания детства.

В комнате Мумне все запомнилось. Маленькие подушечки на кровати, потому что большие нигде было положить. Все чистенькое, все тщательно вымыто и выскреблено. Трогательный кусочек овечьей шкурки на месте, где старушка сидит, длинная камышинка с трубчковой на конце, из которой курильщица не столько втягивает дым, сколько попыхивает им из трубки. Традиционная полочка на стене, на которой стоят стаканы с блюдами. И ложечки возле стаканов. Хозяйка очень аккуратная, и каждый может это проверить, потому что ложечки повернуты внутренней стороной к комнате, а не к стене. В такой обстановке настраиваешься по-особенному.

Конечно, появился традиционный, на длинной ручке маленький кофейник, тоже остроумно сделанный. Все было удивительно продумано в нем. Мумне взяла кофейничек на две чашечки. У нее висели еще кофейник на одну чашку, когда она пила одна, и большой, на четыре чашки, когда приходили гости.

Процесс кофепития кончился. Стали мы разговаривать. Мумне попыхивала трубчковой и пальцами прижимала табак. Ветер выл все сильнее. Хотелось прямо закрыть глаза, потому что казалось, что сейчас этот ветер схватит хатенку, бабушку и ее гостью, закрутит, завертит и унесет. А в то же время не было страшно. Даже чувствовался какой-то уют от того, что ты в такой маленькой избушке с милым человеком и можно тихо беседовать о том, о сем.

Мумне начала говорить довольно спокойно. Меня в деревне предупредили, что старушка не совсем здорова. Говорили, что у нее погибли родные во время гражданской войны, она очень тяжело перенесла это горе и поэтому у нее иногда бывает разговор с самой собой. Может быть, этот ветер навел ей какие-то воспоминания, может быть мой приход — трудно разобраться. Безусловно, что-то в душе старушки творилось. Она начала рассказывать. Сначала говорила очень много, мне было трудно уловить связь между отдельными словами, да, пожалуй, связи этой и не было. Я спросила Мумне — не болит ли у нее что-нибудь.

— Нет, не болит,—ответила старушка и тихим голосом передала мне свой сказ о Перекопе. В этом сказе отразилась и материнская тоска по погибшим детям, и уверенность, что не даром пропали ее сыновья, уверенность, показавшая, как мудро переживает старушка Мумне новое время, и успехи нашей сегодняшней жизни. Я слушала, затаив дыхание, старалась не забыть ни одного слова из волнующего рассказа.

Очень похожей на рождение сказа о Перекопе была обстановка, в которой я слышала сказку о Джаныке.

С крепостью Чуфут-Кале связана замечательная легенда о Джаныке причем в несколько ином варианте, чем ее рассказывают обычно, без любовной лирики.

Мне, как экскурсоводу, очень часто приходилось водить экскурсии в Чуфут-Кале. В результате долгих наблюдений, я пришла к заключению, что сюда лучше всего ходить во время захода солнца. В это время человек наилучшим образом воспринимает всю красоту Чуфут-Кале. Однажды мне пришлось задержаться в крепости дольше обычного и выйти из нее через восточные ворота. Это такое место, где вечером немного жутко. На плато, перед воротами, обычно пасутся стада. Увидела знакомого пастуха. Мы друг друга знаем, потому что я часто бываю здесь. Когда я с ним поравнялась, он мне говорит:

— Что ты здесь все ходишь, что ты ищешь здесь?

Я ему отвечаю, что здесь искать ничего не нужно, все на земле находится.

— Тебе камни эти нравятся,—говорит он,—а что ты знаешь об этих камнях?

Я насторожилась. Раз человек говорит так, значит здесь что-то есть, чего я не знаю.

— А ты знаешь?—спрашиваю я его.

— Знаю, конечно, как же не знать?

— Что же ты знаешь об этих камнях?—спросила я.

И он рассказал мне сказку о Джаныке.

В народе ходит молва, что Джаныке не была дочерью Тохтамыш-хана, хотя наука это доказывает. Народ говорит: она наша,—и добавляет:—хан взрастил ее и взял себе в дочери.

Ислам утверждает, что женщина—существо низшего порядка, ни на что героическое не способное. Даже костюм цинично и гнусно подчеркивал ее зависимое положение. Облаг рукава в костюме татарской женщины, который она откидывала, обнажал только нижнюю часть руки—ладошку. Этим подчеркивалось, что женщина способна по-

лучать только милостыню от своего господина—от мужчины, что она нищая.

Если же женщине ставили дюрбе¹ или создавались о женщине былины, сказки, легенды, то она должна была совершить что-то действительно героическое, грандиозное. Дюрбе поставлены только двум женщинам—жене Гирей-хана и Джаныке. Остальные памятники женщинам все очень скромные, в эпитафиях на них написано только обращение к прохожим: „Остановись, и если тебе не жалко—сотвори молитву“.

Жену Гирей-хана народ отделил от Джаныке. Джаныке народ поднял как свою героиню, она—по народной молве—сделала многое для народа и народ о ней помнит.

В сказке о Джаныке, рассказанной стариком-чабаном, Джаныке—больная девушка—совершает подлинно героический поступок, жертвуя своей жизнью для народа в час тяжелого испытания. Сказка полна реалистических черт, Джаныке в ней обрисована как человек с большим отзывчивым сердцем. Сказка, несомненно, отражает исторический факт, имевший место в царствование Тохтамыш-хана и так или иначе способствовавший смерти Джаныке.

В Крыму есть замечательные долины, громадные, широкие, такие большие, что сразу даже глазом не обнимешь.

Грибоедов, например, говорил о Коктебельской долине, как о самой замечательной. Горький любил южнобережные долины, например Уч-Кош. Пушкину очень понравилась Байдарская долина.

Группе современных советских писателей, которая была в 1938 году в Бахчисарае, чрезвычайно понравилась прекрасная долина реки Качи.

В долине реки Качи, в самом широком ее месте стоит гора, которая носит название Тепе-Кермен. Она представляет собою усеченный конус. Как будто взяли большую сахарную голову, поставили в этой долине, а потом верхушку срезали.

Когда поднимаешься по ее северному склону, по низкорослому лесу из орешника, кизила, дикой груши, перед глазами открывается сказочная картина пещерного города. Это—громадная махина известняка, иссеченная различными пещерами: двойными, тройными, специально для скота и для хлеба, для людей, религиозного назначения, военного назначения, много пещер, очевидно, общественного характера. Пещеры соединены между собою причудливыми лестницами, террасами, крохотными переулочками, площадками. Это—громадный город в камне. Изумительное место, которое невольно настраивает на сказку.

¹ Мавзолей, надгробный памятник.

Южный склон горы Тепе-Кермен представляет собой резко обрубленный обрыв. Такое впечатление, как будто кто-то гигантский пришел, ударил громадным мечом и образовался желтовато-белый сруб. Высота его—несколько сот метров. Внизу, у подножия скалы, буквально как серебряная ниточка катится река Кача. В летнюю ночь, особенно в лунную, это место оставляет потрясающее впечатление. Это место не забывается никогда, все зрелище остается у тебя в сердце. И неизъяснимое чувство благодарности за то, что ты живой, за то, что ты можешь чувствовать, видеть,—охватывает человека. К этому прибавляется еще гордое чувство радости, что это видят и чувствуют многие люди. Как все там замечательно! Проникаешься каким-то особым уважением к природе. Здесь ею не только любишься, но и уважаешь ее, так хороша эта долина.

По реке Каче расположены отличные колхозы. Есть там в деревне Пычки колхоз имени Фрунзе. Колхозные дворы почти все новые, подчищенные, с красивыми домами, свой водопровод, великолепные пасеки, чудные сады. Но не в этом главное. Там, как и везде, замечательные люди. В них видишь гордого, здорового, сильного советского человека. Каждый из них вызывает уважение к себе, как вызывает уважение природа, которая окружает его.

Над деревней Пычки нависла скала. В ней—другой пещерный город, Качи-Кален. От этого пещерного города возникает другое впечатление, другое чувство. В Тепе-Кермен взор парит, все окружающее кажется подвластным человеку, какая-то легкость овладевает тобой. А в крепости Качи-Кален этого нет, она подавляет человека своей грандиозностью и вместе с тем урюмостью, замкнутостью.

Представим себе громадные стены, горную гряду. И вот однажды, по неизвестной причине, из этой гряды вывалился гигантский кусок и рассыпался на отдельные кусочки. В самой стене образовался большой грот. Человека подавляют его размеры. Когда-то на этом месте был известный пещерный городище, очень богатый, очень сильный, он держал в своих руках всю эту долину. От городища остались отдельные стены и также бесконечное количество пещер. Самой замечательной там является пещера, которая высечена в осколках куска, выпавшего из массива. Осколки заострены кверху, как пики. В этих кусках скалы внутри высечены крохотные церковки, кругом идут миниатюрные балкончики. Сколько человеческого труда было потрачено на эту работу!

Между одним и другим пещерным городом стоит как бы громадный утюг, каменный нос, обращенный к Тепе-Кермену. Называется

скала эта Бурунчук. Между Бурунчуком и Тепе-Керменом—долина, и между Бурунчуком и Качи-Кален—тоже долина. Здесь очень хорошо слушать эхо, оно отзывается по несколько раз. Горы здесь звучные. Долина носит название Кая-Арасы.

Этот Бурунчук грозен и горд. Он носит еще название Кыз-Кале или—по-русски—Девичья крепость. С крепостью Кыз-Кале связана очень интересная сказка о любви владельницы Кыз-Кале Айше к юноше, начальнику крепости Тепе-Кермен.

Сказка об Айше отражает то общее впечатление, которое оставляет Бурунчук. Грозная и гордая Айше никому не хотела подчиниться и хотя любовь привела ее к юноше, она предпочла поразить на смерть любимого, чем потерять свою волю.

Сказка о любви Айше начинается, между прочим, очень характерно для Бахчисарайского района, где много камней. Впрочем в Крыму, в его горной части, очень много сказок связано с камнями.

Рассказывали сказку, как камни плачут и почему они плачут. Чтобы понять ее, надо перенести себя в Судакский район, где очень много камней, очень много солнца и перед взором открывается огромное море.

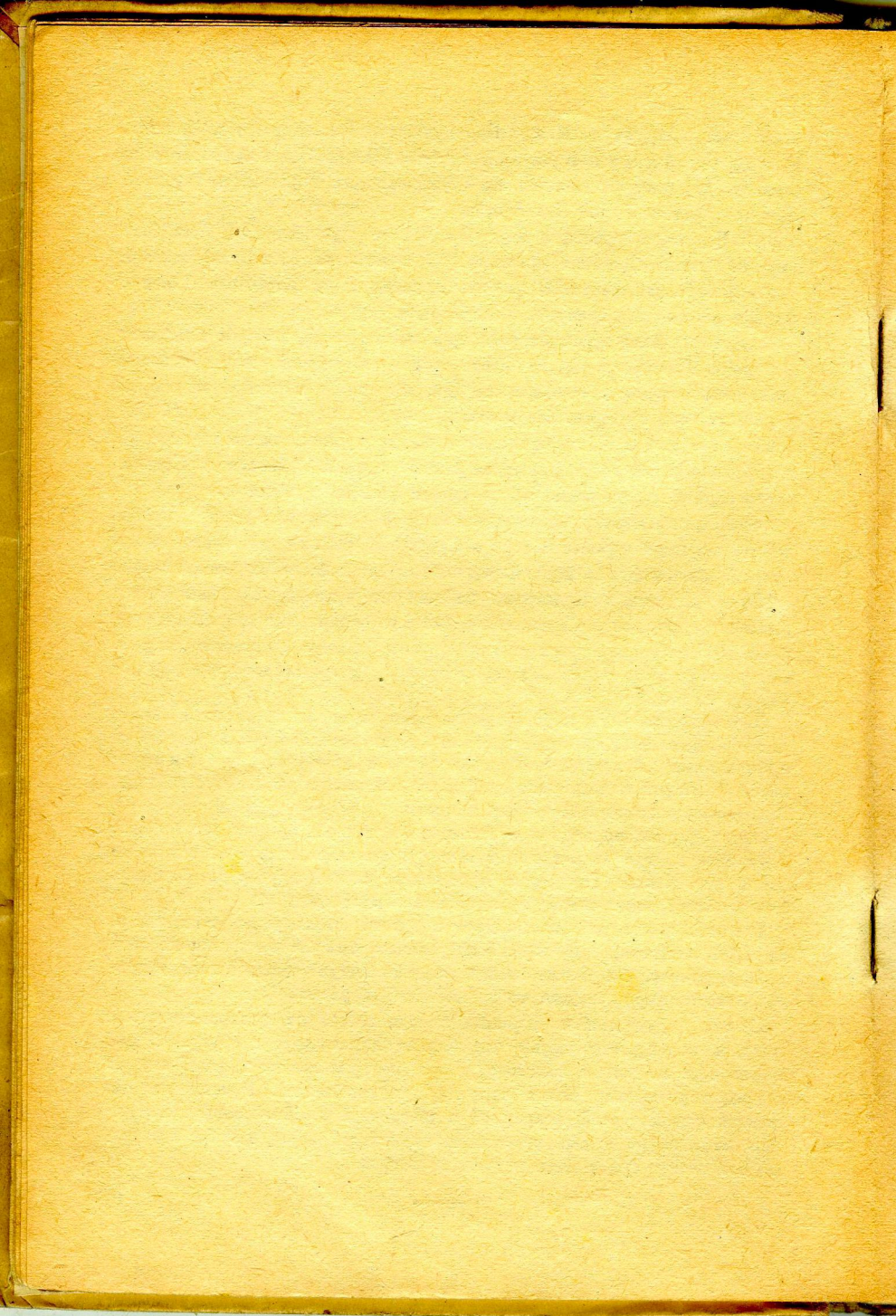
Нигде так, как в Судакском районе, не чувствуешь моря: ни на Южном берегу, ни в Севастополе, где оно ограничено скалами и бухтами. В Севастополе море выглядит как большое озеро, как лагуны. Совершенно иное оно в Судаке. Огромное, безграничное. Это ощущение очень сильно.

Около Судака есть небольшая деревня, которая называется Таракташ, что значит „Каменный гребень“. Действительно, скалы там очень причудливые. Они торчат остриями вверх и действительно при известной фантазии напоминают гребешок. Все они поразительно гладкие, без признака какой-либо растительности.

Около Таракташа огромное количество камней, причем это не хаос алупкинский, где камни лежат в окружении леса, где они как-то не давят вас. Камни Таракташа производят совсем другое впечатление. Это какое-то мстительное, грандиозное обилие скал.

В одном месте два камня друг с другом столкнулись, покатались, еще раз столкнулись и страшным усилием как бы выдавили из себя тонкий ручеек. Он бежит из-под камней всегда чистый, всегда прозрачный и, журча, падает со ступенчатой терраски.

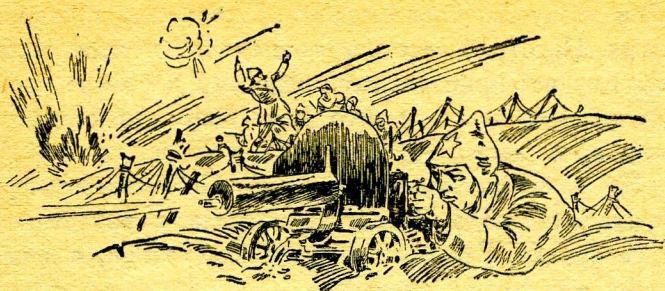
Сказка „Девушка и парень“ передает, откуда взялись камни и вода, и почему эти камни так близко лежат друг к другу. В ней много черт из жизни ханского двора, история любви ханской сестры к простому пастуху полна чарующих подробностей. Ручеек—как бы памятник этой чистой, искренней и человеческой любви. Своим памятником, этим вечно живым, прозрачным ручейком, народ как бы говорит: любовь всегда будет жить и победит смерть.



СКАЗКИ

Сказ о Перекопе





Ты по нашей земле ходила? Ты ее никогда раньше не пробовала на язык?

Соленая земля наша на Перекопе была. Кто скажет, отчего земля наша соленая была? Одни говорили, что много крови было пролито на ней. Другие говорили, что слез много. Эх, что скажу я... Где кровь, там и слезы. Где кровь найдешь, там и слезы ищи.

Было у меня два сына, хороших сына. Эх, посмотрела бы ты, как они землю соленую копали, как они работали над ней, чтобы хлеб родился. Мало давала земля, обижали люди землю нашу, кровью поливали, слезами поливали, вот и соленая была земля. Мало давала людям хлеба.

Росли сыны мои, становились все выше, спины такие широкие у них были, что на каждой спине по-двое лечь могли. Вот такие были сыны! Росли они и радовалась я им. Отца не было—умер.

— Ничего,—говорила я,—за такими сынами разве я—маленькая—не спрячусь? Какое горе меня увидит? Я впереди себя поставлю сынов своих и не увидит меня горе. Так я и до смерти проживу...

А вырастут, станут мужчинами большими мои сыны, я

им жен найду, не богатых, нет... Найду самых хороших, веселых. На что богатство, зачем оно? Когда человек весел, ему все принадлежит, тогда ему и солнце светит; когда человек весел, у него душа богата, а когда душа богата, жить легко.

— Зачем богатство,—говорила я.—С богатством черное горе идет. Не надо. Богатство никогда с радостью рядом не стояло. Где богатство—смеха нищи, а я найду веселых жен, пусть смеются.

А потом они мне принесут каждый по внуку, а я посмотрю и подумаю: „э-эх, какие у меня опять сыны растут, э-эх, какие большие сыны у меня будут опять“. И на ноги поставлю их.

Так думала.

А невесткам буду говорить:

— Что вы, глупые, сидите, как курицы сидите, идите гулять, а я сынов посмотрю. Вот я вам каких двух вырастила, что же, я разве не выращу двух сынов еще? Идите гулять!

Одного возьму, заверну ножки крепко, другого возьму, заверну ручки крепко. А потом я спою им хорошую колыбельную песню: ай-ай-ай-ай-ай!

Вот как я буду сынов своих растить.

Так думала я, глупая, не знала я, что по деревне горе скоро пойдет. А пришло...

Пришли. Они называли себя белыми, а были черные, как собаки черные были. Называли себя белыми, а были, как грязь. От дыхания от ихнего людям дышать нечем было. Белые! Правду о себе людям боялись говорить.

Пришли и горе с собой привели. По деревне стали говорить:

— Э-э-э... Скоро у нас всех сынов заберут. Бежать им надо. Пусть лучше к тем бегут, которые землю хотят сладкой сделать. Есть такие люди, там, за Турец-

ким валом, хорошие, настоящие люди, они землю нашу сладкой сделают! Отцы давно к ним ушли, пусть и сыны идут.

А я говорила:

— Я горе к себе в дом не пушу, пусть горе не думает, что я маленькая, что я дверь собой закрыть не сумею. А я вот так выйду, да как стану в дверях, да как крикну:

— Куда идешь?

Горе—оно матери испугается, мимо пройдет. Глупая я, думала, своей спиной сыновьи спины закрою.

Это ведь радость широко в двери идет, а горе—оно и в щелку лезет.

Не видела сама, как горе пришло. Пришло, закричало не по-нашему...

...Белые ногами затопали, ругались, моих сынов потащили.

А я говорю сынам:

— Бегите, к тем бегите, за вал бегите, к людям, которые хотят нашу землю сладкой сделать.

А сыны говорят мне:

— Не бойся! Не кричи! Зачем горе свое на руку кладешь, им показываешь, пусть не смеются над тобой, не надо, будь настоящей матерью. Мы за себя постоим, мы к ним не пойдем, пусть только ночь придет, ночь—она нам помощница. Мы туда пойдем, а потом к тебе придем, мать, и сделаем землю сладкой, не бойся!

И я осталась одна. Ушли сыны. Я все думала: ну, наверное, тут где-нибудь прячутся, наверное придут.

Дверь открытой все держала. Если на зов материнского сердца не придут, может—на огонь придут: поставила свет на окошко. Нет, долго не шли. Так и не пришли совсем.

Кто скажет, может—в земле лежат, может—дорогу в

дом забыли. Только нет, материнское сердце забыть нельзя, наверное, за сладкую землю легли, наверное земля их к себе приняла. Хорошие ведь они, и земля приняла их, как мать. Гордые, ведь, честные, ведь, руками лицо земли как они гладили, чтобы сладкой ее сделать, никого не обижали. Руками своими землю холили, от тех, белых, чистили, нет, земля их не обидела, нет!

И вот думаю часто я, почему на нашей земле столько хлеба растет? Сладкая земля стала! Весной приди, походи по нашей земле. Раньше на ней только трава росла белая, как мои седые волосы, а теперь весной посмотри, какие цветы растут! Красные! Ты не бойся, возьми, сорви, положи себе за рубашку, положи на грудь, и если ты мать, если грудь твоя кормила когда-нибудь, услышишь ты, как цветы говорят слова. Я кладу и слышу, как цветок шепчет мне:

— Ничего,— шепчет цветок, как будто сами сыновья говорят,—мы по земле ходим, много нас—сынов. Ничего, мать, мы сделаем землю сладкой и хлеб на ней вырастет такой высокий, как мы—сыны твои—были, и сердце станет у людей такое большое и широкое...

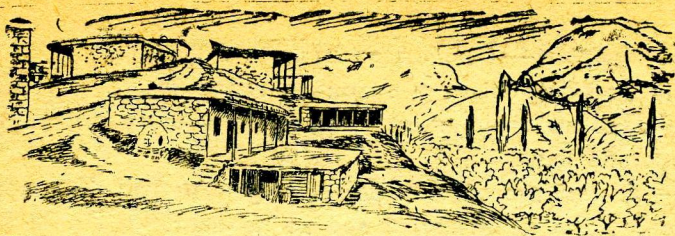
Хорошо теперь по степи ходить...

Теперь я на других сынов смотрю. Смотрю и радуюсь, все равно, как на своих...



**Р е ч к а -
верный друг партизан**





Шумят, шумят ветры у нас в горах. Так шумят, что даже голоса человеческого не слышно. Шумят ветры у нас в горах, а деревья часто плачут.

Давно это было, когда здесь были враги, когда нашу землю чистую грязные их ноги топтали и пачкали. Маленькая у нас деревня, а люди в ней большие, хорошие люди... Созвали мы, старики и старухи, своих сыновей и сказали:

— Идите, дети, к тем людям, которые хотят сделать лицо нашей земли чистым. Идите и помогите им. Ничего, мы плакать не будем, идите!

И пошли сыновья наши в лес и в горы.

А лес шумел и плакал: по земле по нашей ходили чужие люди.

И наши сыновья, которые помогали людям очистить землю нашу, в лесах прятались. Прятались в лесах и было им трудно. А помочь чем?—спроси-ка, чем помочь, когда у меня две руки, а в то время нужно было, чтобы было у каждого из нас много рук и много ног...

Трудно было сыновьям нашим в лесах. Долго они сидели там. А текла от них к нам в деревню речка маленькая. И сказали речке партизаны:

— Эй, ты, речка, течешь, а наше горе не знаешь. Тебе всегда весело. Если ты наша, пойдя в деревню, скажи— пусть помогут. Хлеба нет у нас.

Речка ответила:

— Хорошо,—и побежала вниз.

По деревне бежит и тихонько говорит:

— Что вы, старики, делаете, там сыновья у вас, трудно им, хлеба нет.

— А как мы им хлеб дадим? Оцепили нас. Как помо-
жешь? Хлеб не птица, в лес не полетит.

А речка говорит:

— Эх, вы, старые, а глупые, не бойтесь, положите хлеб на меня, положите его в капусту, мокрый не будет.

И понесла хлеб наверх, к сынам нашим. Ты мне не поверишь, и не надо, а я сам видел, как речка в гору шла, и хлеб в речку был опущен, и речка в гору шла, к нашим сыновьям хлеб несла. Ты не смейся, речка была наша, все понимала: и хлеб давали—несла, и брынзу несла, и катык несла. Все, что было, несла. Маленькая была, а много работала. А потом вечером тихонько сказала:

— Что вы сидите, старики, ружья надо.

Покачали головами мы: как такая маленькая речка тяжелые ружья понесет, но достали, отдали речке, слушали ее; речка и ружья понесла. Ох, речка, как же ее не любить! Понесла она ружья вверх. Много сделала для сыновей наших.

Боролись много и долго сыновья наши в лесах, и в городах, и в степях, всюду. И вместе со всеми людьми, настоящими людьми, очистили землю от грязи, от зловонного дыхания тех врагов, и стала она прекрасна. И для того, чтобы хорошо умылось лицо земли нашей, упал на нее снег белый, чистый. Очистилась земля, стала прекрасной, свежей. Враги, как крысы, побежали. У врага какая храбрость... Побежали враги. А сыновья вниз пришли, в деревню. Как старики радовались! Жить стали по-новому. Речку хвалили, хорошая речка.

Ко всем пришли, только ко мне не пришел сын. Я спрашиваю у речки:

— А где же Асан?

Молчала. А потом шапку мне принесла сверху... отсюда... из леса. Я шапку взял, вижу—Асана шапка.

Я сказал речке:

— Что же ты, речка, разве тебе было трудно сына принести?

И сына принесла. Несла потихоньку, чтобы не больно было, принесла потихоньку, на берег положила, а сама дальше побежала. А я сыну дом в земле сделал. Положили в него сына. Товарищи пришли, музыка играла.

— Ничего, спи, сын,—сказал я,—тебя все помнят, и речка, и лес. Ты, сын, лежи—отдыхай. Это ведь не смерть...



